

Средства «Оборонь»

«ГРАЖДАНСКАЯ ОБОРОНА» ЗАПИСАЛА САМЫЙ СВЕТЛЫЙ АЛЬБОМ В СВОЕЙ ДИСКОГРАФИИ — «ЗАЧЕМ СНЯТСЯ СНЫ». RS ПОГОВОРИЛ С ЛИДЕРОМ ГРУППЫ ЕГОРОМ ЛЕТОВЫМ О КОНЦЕ СВЕТА, РОК-Н-РОЛЛЕ НОВОЙ ФОРМАЦИИ И МЕТОДАХ СТИМУЛЯЦИИ ТВОРЧЕСТВА * ТЕКСТ КИРИЛЛ СОРОКИН

Я вчера на концерте обратил внимание, что люди по-прежнему размахивают флагами с вашим профилем на фоне знака анархии. Вам не странно наблюдать все это сейчас?

На самом деле я как был анархистом, так им и остался. Другое дело, что теперь меня куда больше занимает экологический аспект современного анархизма; скажем так, экологический анархизм — я в эту сторону двинулся. Если раньше это носило условно политический характер, то сейчас я вообще отошел от политики, потому как в нашей стране это занятие бесполезное и дурацкое. Любая политическая деятельность здесь воспринимается как определенная провокация, направленная на самого себя — как в случае с Лимоновым, например.

Вы, кстати, следите за его политической деятельностью?

Я вообще слежу за тем, что происходит в мире. У меня дома всю-

ду расставлены телевизоры, работают они практически круглосуточно. Мы смотрим все подряд, все новости.

Так там же ничего не показывают. Во всяком случае, позиция весьма односторонняя.

Есть еще Интернет. Тем более что ничего на самом деле и не происходит. Когда что-то случается действительно смешное или яркое — что-нибудь взорвется там, потонет или вот Останкино опять загорится — это же показывают. Вообще я слежу даже не за политическим состоянием дел — мне интересно, что происходит в мире по части катастроф и вообще каких-то глобальных изменений: ураганов, землетрясений, потепления... Ведь то, что сейчас творится, — это натуральный конец света, конец цивилизации человеческой, и мне занятно наблюдать за этим. Мне интересен сам процесс эволюции, то, как все это работает, начиная с возникновения

Земли и заканчивая тем, куда все это катится.

У вас есть какой-то прогноз на этот счет?

Есть, конечно. Определенные жизненные формы вымрут, как это уже многократно случалось — были же оледенения, земля выгорала до основания, жизнь уходила вглубь, на уровень подземных вод, на десятки километров под землю. Потом она опять возвращалась, причем каждый раз на качественно новом уровне. С позиции сознания этот график каждый раз скачкообразный, протупательный и позитивный. А сейчас мы имеем то, что человечество конкретно себя добивает. Печально, но вместе с человечеством умирает и все остальное, хорошее. Поэтому, я думаю, на следующем витке возникнет не новый человек даже, а быть может, вообще другой какой-то вид. Может, зверь какой-нибудь.

А вот скажите, тот же Лимонов — хоть там совсем другая ситуация, конечно, — сейчас нигде без охраны не выходит. А вы, например, так запросто расхаживаете по улице, даже странно.

Так нас же нет в телевизоре. **Лимонова, по-моему, тоже, разве что за решеткой.**

Тут такой момент. Те, кто нами интересуются, знают нас в лицо. Они подходят, жмут руки, иногда просто говорят спасибо. И еще ни разу такого не было, чтобы на меня кто-нибудь накинулся с кулаками на улице только потому, что он меня ненавидит за мои дела и идеи. (Смеется.) Вообще сразу, как только я начал заниматься творческой деятельностью, я полностью обезопасил себя от появления на телевидении — с помощью мамы, резких политических заявлений и эпатажа. Потом, когда случился переворот, назвался коммунистом — чтобы меня ни в коем случае не начали расхваливать. Как только в 1989 году

« Я СЛЕЖУ ЗА ТЕМ, ЧТО ПРОИСХОДИТ В МИРЕ. У МЕНЯ ДОМА ВСЮДУ РАССТАВЛЕНЫ ТЕЛЕВИЗОРЫ, РАБОТАЮТ ОНИ ПРАКТИЧЕСКИ КРУГЛОСУТОЧНО »

ЕГОР ЛЕТОВ

началась «гробомания», я тут же разогнал группу. Затем назвал ее «Ошш***ише» — чтобы о нас максимально трудно было упоминать СМИ. Все время приходится лавировать и выдумывать какие-то новые ходы, дабы себя обезопасить от конъюнктуры.

Получается, что попадание в телевизор — это уже синоним опасности сейчас?

Ну да, для нас это опасность, потому что так мы встанем в один ряд со всеми прочими, грубо говоря. Я считаю, что это правильная, очень тонкая политика, которой нужно интуитивно следовать, постоянно предпринимая разнообразие странных акции. Например, в свое время я сознательно взял в группу фри-джазового саксофониста, моего брата Сергея, который был совершенно — извинюсь за выражение — не пришел к п***е рук. Сначала все начали репу чесать, потом привыкли — и мы тут же растались. Тут еще такой важный момент. Вот для чего мы вообще возникли как «Гражданская оборона»? Я же не рожденный творец или поэт, мне не шибко нравится, что приходится этим заниматься. Я скорее потребитель, ленивый человек. И начал это делать только потому, что у них все стырено у группы *Changes*. Все, что сейчас происходит, — это электика. Берутся такие странные вещи, как, например, Брайан Ферри, какие-нибудь *The Kinks* и что-нибудь совершенно немилосливое вроде *Talking Heads* — и появляются группы типа *Arctic Monkeys* и *Franz Ferdinand*. Я послушал — жуткое дерьмо, ну просто ни в какие ворота. (*Смеется.*) Все эти *The White Stripes*, *The Good, The Bad & The Queen*, *Yeah Yeah Yeahs* — я их стараюсь покупать, чтобы быть в курсе, какое величие нашей эпохи они являют. Все это печально. *Coldplay* вон вообще слушать невозможно, по сравнению с ними *U2* — бог.

Есть, знаете, такая расхожая точка зрения на этот счет: дескать, пока наши музыканты борются за идею и, грубо говоря, озадачиваются судьбами мира, на Западе на этот счет не парятся — если не брать в расчет группу U2 — и потому у них все процветает и живет.

Я не думаю, что у них там что-то процветает. Сколько я слушаю эти современные группы — *The Strokes* там или *Babyshambles* — лишний раз убеждаюсь, что все это дерьмо, конечно. Меня недавно спрашивали: «Почему происходит такой откат интереса от современной музыки?» Я, если в двух словах, ответил: «Да потому, что все уже сыграно». Рок оказался очень нешироким явлением. Есть, например, тот же Ньюфолк — но я не считаю, что это что-то новое. Вот *Current 93* —

Егор Летов в Балтиморе во время американских гастролей «ГрОба», 2005 год.

они же не скрывают, что у них все стырено у группы *Changes*. Все, что сейчас происходит, — это электика. Берутся такие странные вещи, как, например, Брайан Ферри, какие-нибудь *The Kinks* и что-нибудь совершенно немилосливое вроде *Talking Heads* — и появляются группы типа *Arctic Monkeys* и *Franz Ferdinand*. Я послушал — жуткое дерьмо, ну просто ни в какие ворота. (*Смеется.*) Все эти *The White Stripes*, *The Good, The Bad & The Queen*, *Yeah Yeah Yeahs* — я их стараюсь покупать, чтобы быть в курсе, какое величие нашей эпохи они являют. Все это печально. *Coldplay* вон вообще слушать невозможно, по сравнению с ними *U2* — бог.

Перед интервью вы рассказывали о мурманчанах, которые играли у вас на разговоре и извинялись — простите, мол, что мы такие никудышные. А сами вы когда последний раз перед публикой извинялись?

Мы никогда не извинялись и не извиняемся. У меня был период — года с 1998-го, наверное, — когда я принципиально играл на всяких

стимуляторах или очень пьяным. Один раз чуть ли не догала разделся, люди меня удержали. Кончилось это не сказать, что плачевно, но пришлось переосмыслить отношение к собственному здоровью, потому что я просто начал терять сознание на концертах. Организм перестал справляться. Пришлось отказаться от разных жизненных радостей.

Ничего тогда, что сейчас еще двенадцати нет, а вы уже выпиваете?

Ничего, что ж такого. Вот если бы такой бокал водки да залпом — тогда другое дело. Тут был печальный момент: мне пришлось отказаться от собственной концепции того, что собой представляет концерт. Раньше мы доводили себя до животного состояния.

Помню, у нас было выступление на одном новосибирском фестивале, когда мы принципиально решили: не репетировать! Я задавал ритм и орал, а в зале творилось что-то невообразимое: люди валялись, дрались, кровинка летела. Вот это я понимаю, вот это концерт. Но потом я неожиданно по-

нял, что после перестройки с публикой что-то случилось. Ей нужно, чтобы было хорошо сыграно, чтобы было красиво спето, — для меня это стало шоком. Я несколько ночей вообще не спал — думал, что нужно прекращать.

Все это, знаете, напоминает книгу «Прошу, убей меня».

Честно говоря, когда я ее прочел, то едва не заплакал. Меня до сих пор гложет такой обидный момент: мне страшно жаль, что я оказался здесь не вовремя. Мечта моей жизни — оказаться в кругу творческих, близких мне по духу людей, которые при этом мне ни в чем не уступают. Но у нас такого, как, скажем, в Нью-Йорке, где были Игги Поп, Лу Рид, Ричард Хелл, Патти Смит, да мало ли кто еще, никогда не было и не будет. Поэтому мы — словно гаражные панковские *Grateful Dead*. Заняли свою нишу двадцать лет назад, уже состарились, но никто до сих пор не собирается в эту нишу лезть, потому что за это надо платить — здоровьем, еще чем-то. Когда мы начинали играть атональный рок и писать абсурдистские тексты, нас за это могли посадить и убить, по психушкам таскали... Мне приходилось уходить из дома и скитаться по стране, с сумочкой через плечо и тридцатью рублями в кармане. Так мы с Янкой и путешествовали, находясь в розыске. Нынешнее поколение не понимает, что такое цена слова, хотя вся настоящая музыка идет от этого: ты можешь не просто поют по телефону, но и быть убитым на следующий день — но все равно что-то такое делаешь. Вот тогда она работает, тогда я верю. Сейчас же нужно написать песню не про Путина да же, а про определенного полевого командира чеченской или дагестанской диаспоры в Москве или, допустим, конкретной бандитской группировки — вот тогда да! (*Смеется.*)

Но сейчас вы ведь ничем подобным вроде бы не занимаетесь.

То, чем мы занимаемся в последнее время, — это исследование причин, по которым люди употребляют наркотики. Альбомы «*Долгая счастливая жизнь*» и «*Реализация*» — они, если в двух словах, про то, что человеку нужен праздник. Праздник с большой буквой, иррациональный, метафизический. Если он этого не

получает, он начинает брать его извне. Причем это касается не только людей, уживотных то же самое — они ведь едят всякие психоделические корни, грибы, плоды. Нужны средства для того, чтобы изменить уровень сознания. Потому что он не удовлетворяет. Это как у Игги Попа: «I need more!» Праздник необходим. Асли этого праздника нет, то эта жизнь — она на х** не нужна вообще. Отсюда возникают суициды и смерти, отсюда возникают наемные солдаты, парашютисты, альпинисты и экстремальные виды спорта — все это путь наружу, страшный адреналин.

А вы сейчас не испытываете недостатка в стимуляторах?

Конечно, испытываю. Возраст вызывает определенные ограничения в употреблении всего этого. Если раньше я очень сильно пил, употреблял невероятное количество «помощников» и чувствовал себя при этом превосходно, то теперь подвожу организм. Это печально и досадно. Мы все равно живем на максимуме своих сил, но я уже чувствую, что предел не за горами.

Послушайте, а разве в данном случае музыка не является своего рода сублимацией?

Я вообще в нормальном состоянии ни разу ничего не сочинил. (*Смеется.*) Я даже представить не могу, чтобы в обычном состоянии, ни с того, ни с сего... Я думаю, так ничего хорошего родиться не может, необходимо выходить за пределы себя самого. Я не могу сказать, что я что-то сочиняю — я скорее проводник. То, что сочиняется, — оно повсюду носится. Есть поле, хранилище всемирное, надо туда достучаться просто. Нужно быть охотником, долго охотиться, применить определенные методы стимуляции, магические выслеживания самого себя. Например, поступать все наперекор, в течение дня делать все, что тебе делать не хочется: захотел спать на стул — стоять, хочешь есть —

Егор Летов на демонстрации 9 Мая в Москве, 1993 год.

не спать, хочется включить телевизор — сломать его. И в некий момент начинает что-то такое происходить. Это что-то вроде коллода, водоворота, потока, который проходит сквозь тебя. Этого можно добиться и с помощью всяких духовных практик. Но если есть какие-то костыли, которые тебе в этом помогут, то это применяется тут же. Потому что ждать неохота.

Тогда понятно, почему тот же Ревенчиков так рьяно исповедует буддизм.

У него последняя пластинка хорошая. Я пораился, когда купил ее: она смешная, слушается очень хорошо. Вот у меня, например, последний альбом был написан после определенных опытов с кислотой. До этого я ее года три вообще не употреблял, после этого у меня был очень жестокий бэд трип, впервые в жизни, потом в следующий поход меня прошибло — такое ощущение, что где-то внутри пробка была. Обычно как это возникает? Когда сам себе надоел, хранилище всемирное, надо туда достучаться просто. Нужно быть охотником, долго охотиться, применить определенные методы стимуляции, магические выслеживания самого себя. Например, поступать все наперекор, в течение дня делать все, что тебе делать не хочется: захотел спать на стул — стоять, хочешь есть —

ла, ощущение чего-то совсем безнадельного, когда задыхаешься просто от своих мнений, от своих полностью устоявшихся точек зрения. И когда все это было сломано — оно точно пробило какую-то пробку, будто меня изнутри протаранило, возник страшный фронтан. Я только и успевал записывать. Асли этого нет, то эта жизнь — она на х** не нужна вообще. Отсюда возникают суициды и смерти, отсюда возникают наемные солдаты, парашютисты, альпинисты и экстремальные виды спорта — все это путь наружу, страшный адреналин.

и всегда для меня это был опыт творческий, на уровне архетипического понимания себя и окружающего — стали трансперсональными. Это то, про что словами говорить невозможно, а стало быть, невозможно ни поделиться, ни передать. Во всяком случае, я пока не знаю, как это сделать. Первый раз, когда я после записи альбома отравился снова, я увидел, что такое смерть. Я просто неожиданно понял, что это. Наглядно понял, что нечто, что являет собой человек, — это как аквариум с рыбками, который находится внутри океана. А при смерти он ломается. Он все равно там остается, но у него уже нет рамок. После этого — когда ты вдруг такие вещи понимаешь — становишься немного другим человеком. То есть ты уже не живой, не мертвый, а какой-то вечный, что ли. В следующий раз я вообще уже был не человек, был какой-то вселенной. Этот опыт — он уже с точки зрения творчества неприменим, к сожалению. Я даже не знаю, что я буду делать дальше, поскольку я об этом говорить словами не могу. Об этом вообще очень сложно говорить. Об этом можно думать... Нет, не думать даже — чувствовать.

Егор Летов
Альбом «Гражданская оборона» «Зачем снится сын» уже в продаже.

Б1
MAXIMUM

КЛУБ Б1 MAXIMUM
УЛ. ОРДЖОНИКИДЗЕ, 11
ТЕЛ: (495) 648 6777
WWW.B1CLUB.RU

5 ИЮЛЯ | 20:00

Rolling Stone

Звонки по телефону

razeta.ru

CONCERT.COM 644 2222

kontramarka 933 3200

PARTER.RU 258 0000

ANTONOV & THE JOHNSONS

« ТО, ЧТО СЕЙЧАС ТВОРИТСЯ, — ЭТО НАТУРАЛЬНЫЙ КОНЕЦ СВЕТА, КОНЕЦ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ, И МНЕ ЗАНЯТО НАБЛЮДАТЬ ЗА ЭТИМ »